

МАЖЕЙКИС
ГИНТАУТАС ЙОКИМОВИЧ¹
ШЕНГЕЛИЯ СОФЬЯ²
(интервью)

GINTAUTAS MAZEIKIS
SOFIYA SHENGELIYA
(interview)

ФИЛОСОФСКОЕ ИНТЕРВЬЮ С ГИНТАУТАСОМ МАЖЕЙКИСОМ³.

Аннотация:

Интервью с доктором философских наук, в котором он рассказывает об изменениях, происходящих с пространством города. Главным образом, сосредотачивается на вопросах урбанистики в контексте запустения пространств городов и на работе с памятью.

Abstract:

This interview is about changes that had happened with the city-spaces. Doctor of philosophy explains how city-space became desolated. He also draws attention to the necessity to work with memory in urban places.

Мажейкис Г.Й., Шенгелия С. Философское интервью с Гинтаутасом Мажейкисом // Vita Cogitans: альманах молодых философов, №9, 2018. С. 143-152

---

¹ Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Философии и социальной критики университета Витаутаса Великого (Каунас, Литва), руководитель магистерской программы «Социальная и политическая критика», исследовательского кластера «Практическая философия», автор монографии «Прагматика и аналитика философской антропологии» и ряда других научных работ.

Doctor of Philosophy, professor, head of the Department of Social and Political Theory at Vytautas Magnus University (Kaunas, Lithuania). He is also the head of the Master Degree Program called Social and Political Critics as well as the Practical Philosophy research cluster.

² Бакалавр Культурологии, СПбГУ, Институт философии.
BA, SPbSU, Institute of Philosophy.

³ Philosophical Interview with Gintautas Mazeikis.

© Мажейкис Г.Й.

© Шенгелия С.

Mazheikis G.I., Shengeliya S. Philosophical Interview with Gintautas Mazeikis // Vita Cogitans, №9, 2018. Pp. 143–152

Ш.С. – Расскажите подробнее о себе, своей научной работе и научных интересах.

М.Г. – Во-первых, когда-то я учился в Ленинградском государственном университете на философском факультете. Моим научным руководителем был Константин Андреевич Сергеев. Я изучал философию эпохи Ренессанса и позже, уже в Вильнюсском университете, защитил диссертацию «Символическое мышление Ренессанса», в которой рассматривал три основных темы: магическую философию любви как само-рефлексию ренессансного антропоцентризма, *Studia Humanitatis*, как исток политической рациональности и как новый проект человеческого и, третье, рассматривал взаимоотношения научной философии или *scientia* и оккультной философии, и их отличия. Что такое оккультная философия и какова ее роль в истории развития символического мышления? Отвечая на этот вопрос, я следовал идеям Эрнста Кассирера, Фрэнсис Йейтс и других авторов, исследовавших этот вопрос. Каково отношение оккультной философии и утопизма, утопического мышления, столь важного для становления европейской политической мысли? Утопическое мышление конца эпохи Ренессанса и начала Нового времени объединило все эти символические тенденции и политическое воображаемое. Впоследствии я тоже исследовал символическое мышление не только с точки зрения истории философии, но и с позиций современной философской антропологии. Причем под антропологией я подразумеваю здесь не концепции Шеллера, Гелена или Плеснера, не классический подход, а скорее современную дискуссию между социально-культурной антропологией и философией, анализ эмпирических антропологических материалов с точки зрения философии символических форм, феноменологии и философии психоанализа. В культурной антропологии существует такая ветвь, как символическая антропология. Например, это Клиффорд Гирц или Виктор Тэрнер, которые рассматривают именно символическое мышление, но уже не в рамках истории философии, а как действительное бытие, как Здесь-бытие. В контексте их концепций я стал рассуждать о том, каковы отличия, например, анализа символического мышления в рамках философии неокантианства Эрнста Кассирера и символической антропологии Клиффорда Гирца и Виктора Тэрнера. Это послужило мне поводом написать вторую диссертацию, у нас это называется кандидатской работой. И за это я получил звание профессора в Шауляйском университете, по тематике философии антропологии, ее прагматизма в отношении соци-

---

ально-культурной антропологии. Этим я начал свои междисциплинарные исследования. В последствии я также получил звание профессора в университете Витаутаса Великого за исследование «Пропаганда и символическое мышление». Потом я уже все эти использовал все эти навыки для анализа различных материалов, не только в рамках символического мышления, но и различных функций мышления сознания, уделяя особенное внимание негативным аспектам. Таким, как, например, ложное сознание, подмененное сознание. Или таким вещам, как общество спектакля и современный процесс самоспектаклизации, роль подлости, неуместности и несвоевременности как признаки самостоятельности, неподчиненности мышления и другое. В настоящее время я уделяю много внимания исследованиям ценностей, особенно негативных и ввожу понятие негативного идеала. Мое обучение также происходило в Central European University в Будапеште, где я изучал еврейский мистицизм Нового времени.

Ш.С. - Чему же посвящен Ваш доклад?

М.Г. - В последнее время я пытаюсь соединить философский анализ с полевыми антропологическими исследованиями. Это чуть-чуть похоже на то, что делает в Москве Валерий Подорога, но он больше внимания уделяет антропосхемам, на основании феноменологического анализа текста, жизни автора и контекста, хотя в его лабораториях тоже делаются и другие эмпирические исследования. А я пытаюсь, ищу возможностей включить философию напрямую в полевое исследование, в field research, превратить философскую антропологию в полевую практику, В этом я отнюдь не первый и не одинок. Похожие исследования и поиски делаются, например, в работах Альфонса Лингиса (Alphonso Lingis). В последнее время я путешествовал по арктическим города Северу России: Воркута и ее окрестности, а также по различным аулам в Казахстане и думал о том, как найти общий язык описания для данных об выселяемых или переселяемых городах, исчезающих культурных пространствах и отчуждении жизни через закрытие не просто городов, но и экзистенциальной памяти и надежд. Я в этом смысле сравниваю арктические города России с, например, городом Висагинас в Литве, в котором когда-то стояла атомная электростанция (Игналинская) и с польским шахтерским городом Тыхы (польск. Tychy). Висагинас все еще в кризисе, но переобустраивается, трансформируется, меняются производства, приходят инвестиции. Конечно, и тут огромные драмы к тому же еще и политические, а также рухнувшие надежды. Но город не выселяется, хотя и переживает драматические изменения. Польский город Тыхы был центром угольной промышленности, как Воркута,

---

но стратегически менее важным, а Воркута – форпост освоения арктических регионов. В Висагинесе и в Тыхы закрылись старые производства, а в Воркуте, Воргашоре, поселке Северный – нет. Арктические города выселяются в связи с закрытием или нерентабельностью шахт. Но поскольку я сам родился в Воркуте, мне безразлично то, как переселяется этот город. И, конечно, его степень отчуждения. Отчуждение мы испытываем не просто через разрушающиеся дома, но через тексты, биографии, контексты, поэтические рефлексии, изменения социальных структур. В этом смысле мы можем использовать антропосхемы и аналитическую антропологию Подороги, а также вести философские-антропологические полевые исследования. Мне было очень важно увидеть эту степень отчуждения через переселение городов и только потом читать местные стихи или автобиографии. Мне было важно посмотреть, каково отношение местных жителей, например, театралов, режиссеров, поэтов или писателей к этому закрытию городов, что они чувствуют при этом. И каков их опыт оставленности, покинутости, отчужденности, отрешенности, если хотите. И, конечно, этот опыт я и рассматриваю в докладе.

Ш.С. – Как Вы понимаете термин «культурное отчуждение»?

М.Г. – Во-первых, я не рассматриваю отчуждение только как плохой термин. Это у раннего Маркса термин «отчуждение» рассматривается только негативно. Я рассматриваю его в более или современном, или, если хотите, в гегельянском или неогегельянском стиле. Что отчуждение, с одной стороны, оно обязательно создание чего-то нового, освобождение мышления от старых форм, привязанностей, сковывающей ностальгии. Поэтому в некоторой степени отчуждение всегда должно быть присуще городскому пространству, оно имманентно урбанистическому процессу. И креативные разрывы, и какие-то новые альтернативы, которые создают конфликты предполагают именно отчуждение, как освобождение, преодоление привязанностей, нарушение замкнутостей, как скачок мышления, морали, эстетики. Отчуждение может быть очень позитивным. Но когда я говорю о закрывании городов, о том, что выселяется население городов, в этом я не вижу ничего позитивного и называю это децивилизацией, отрицанием развития. Культурное отчуждение в этом смысле... вот, например, позитивное, это когда я не могу больше слушать одну или другую музыку, поскольку изменился вкус и навыки, когда преодолевается тональная музыка и нас уносит додекафония. Но от этого тональная музыка не исчезает, а берется в скобки, в индивидуальном плане «снимается» (Aufhebung, Гегель). Это позитивные шаги отчуждения. Но культурное отчуждение становится

только разрушительным, когда мы уходим из своих поселков, из своих земель, после того как вырвали все из недр, загрязнили огромные пространства, затопили водой шахты и оставили школы, детские сады, библиотеки. И нас силой монополий отчуждают от этого, не оставляя никакого шанса в этом пространстве ни творить, ни писать поэзию, ни создавать нечто. И поэтому такое драматически негативное отчуждение – это особый вариант культурного отчуждения, это децивилизация.

Ш.С. – Что Вы думаете о ситуации культурного вытеснения в современном мире в свете событий последних лет?

М.Г. – Ну, их бывает очень много, потому что идентитеты наши меняются в зависимости от национальностей, от классового положения, от поколений, от субкультур и стилей жизни, от глобализации и прочее. Поэтому события, которые вокруг нас происходят делают неминуемым всевозможные изменения, в том числе и культурные вытеснения. И в том смысле разрывов или даже орбитальных изменений нашего жизненного пространства. Дело философии исследовать и осмыслить эти конкретные, резкие изменения жизненного пространства и понять, что происходит, как это осмыслить, можно ли этому противостоять или, наоборот, следует способствовать, ускорять. Часто остановить многие из этих изменений нельзя, но можно помочь людям пережить их.

Ш.С. – Как обстоят дела с ситуацией культурного вытеснения Вашей стране?

М.Г. – Культурное вытеснение, Вы знаете, да, оно было и есть. Когда говорю «было», имею в виду волны вытеснений: христианство вытеснило язычество, а атеизм вытеснял христианство, а современное неоязычество и секуляризм теснит католичество в Литве. Литовская этнокультура вытеснила польско-литовское наследие, практически вычеркнуло еврейскую идиш культуру, выдавливает и уничтожает многое советское. Иногда это неизбежно ввиду мировых изменений, иногда это перегибы или даже преступления. Например в Балтийских странах, как и везде, рост национализма – это культурное вытеснение, и не только русского или советского, но и субкультурного, или сексуальных меньшинств, или еврейское памяти. Кроме того, рост консервативных настроений обыкновенно возникает вследствие некоторого культурного вытеснения. Литовские консерваторы и националисты защищают свою политику оговорками о преследовании и вытеснении литовского языка в советское время. Но я отмечу, что если мы посмотрим на левую традицию, классовую традицию, то приход новых гегемонных классов, даже левых, опре-

---

деляется тем, что вытесняется некоторая консервативная традиция. Я сам принадлежу к таким группам, так называемого автономизма. Автономисты говорят и стремятся создать некоторые оазисы автономных культурных идентитетов и самоуправлений. Если, например, поляки, русские или украинцы, белорусы, немцы в состоянии сами позаботиться о своем культурном идентитете, сохранять некоторое время свои идеалы, развивать цивилизацию, сотрудничать, то, в принципе, я рассматриваю это как очень позитивное действие. И, в принципе, то, что в Литве сейчас появляется, это возможность автономистам высказать свою позицию в том, чтобы не позволит ни одной из групп быть гегемонной. Конечно, все-таки существуют гегемонные, господствующие традиции. Господствующая традиция, она всегда проявляется культурным отчуждением.

Ш.С. – Наблюдаете ли Вы как изменение политической повестки влияет на культурную память? И что Вы можете сказать про волну сносов памятников на Украине, в США и Польше?

М.Г. – Сносы памятников бывают различными. Я вообще, в принципе, против сносов памятников. Хотя, при переизбытке одного или другого идеологического памятника, у которого нет никакой ценности, ни культурной, ни исторической, при одобрении и желании местных общин возможно, но цивилизованным путем, без разрушения и с разрешением выкупить, перенести памятник в другое место. Полный снос каких-то идеологических памятников, я говорю про «стопроцентный ленинопад» в Украине, означает, что исчезает альтернатива новому, господствующему мышлению. Разрушение памяти и альтернатив всегда опасно. Думают, что, если не будет альтернатив нашему мировоззрению, никаких резких различий, мир станет более убогим. Одноцветный мир он всегда хмур. Поскольку именно альтернативы высвечивают напряженности, различия, только из-за этого возникает содержательное политическое, появляется диалог, реальный социально-культурный процесс. Уничтожение всех памятников какого-нибудь идеологического сорта ведет к сужению геополитического поля, утрате ориентиров, к господству одномерной пропаганды. Но я, тем не менее, не говорю о том, что вообще никакая политика в отношении памятников невозможна. Да, политика в отношении памятников не только возможна, но и должна вестись на основании принципов достаточности, автономности, присутствия альтернатив, поскольку каждое новое поколение, новое мировоззрение себя устанавливает символически в пространстве, и если все пространства уже захвачены, то кому-то надо потесниться в этом плане. Я просто скажу еще, что существуют такие вещи,

---

как заповедники старых памятников. Например, в Литве существует такой Парк «Грутас». Это огромное пространство, в которое свозятся все советские памятники. И они там ставятся на хорошие постаменты, это не какое-нибудь отходное место, это большой музей. Чтобы туда войти, нужно еще и заплатить кучу денег, дабы посмотреть на множество скульптур Сталина и Ленина, на всяких передовиков, колхозников, которые выращивали свиней, и что-нибудь подобное. Там создан такой советский диснейленд, симулякр, где можно и попробовать советскую пищу, и даже купить значки октябрат, которые сейчас производятся в Китае, а покупаются Литвой и продаются в этом парке Грутас. Правда, значки очень некачественные, они вечно ломаются, но тут дело уже не в идеологии, а в капиталистическом спросе-предложении. И вот этот пример удачи Парка Грутас показателен. В принципе, если памятники никуда не годятся, нет смысла их разрушать и издеваться. Некоторые из них, те, которые имеют хоть какую-то символическую ценность или что-то нам рассказывают, даже о наших трагедиях, могут быть перевезены в такие музеи. Я посещал Парк Грутас много раз, и количество Сталиных и Лениных вызывает у меня смех. Их, по-моему, там тоже слишком много. Поскольку если ты идешь мимо десяти или двадцати Лениных и Сталиных, все равно они постепенно надоедают, по-моему, их там хватило бы пять-шесть одного и пять-шесть другого, незачем так много ставить, можно какие-то другие советские памятники привести. Или даже не советские вообще, и я даже думаю, что можно было бы купить памятники в Польше или в Украине, привезти их в Литву и тоже поставить, если у них есть хоть какая-то ценность. Эта коллекция интересна, и я хочу сказать, что, например, приезжают туристы со всей Европы и с удовольствием едут в этот парк посмотреть на советский симулякр.

Ш.С. – Как Вы считаете, какие памятники можно было бы туда привести?

М.Г. – Ну, тут очень сложно сказать. Я вот насчет Лениных и Сталиных не беспокоюсь. Их и так более чем достаточно. Я в основном думаю о всяких советских деятелях и особенно советских писателях. Их тоже вносят. Зачем? Не угодили существующему режиму памяти? Заповедники памятников – это выход. Памятники писателям, партизанам, рабочим в этих музеях могут храниться десятилетиями и столетиями. Тоже относятся к «чужим» памятникам, таким как, например, Ломоносову или Пушкину. В конце концов такие памятники лучше продать, но не разрушать. Музеи других идеологий или культурных пространств могли

бы существовать на основании разнообразия, чтобы не было большого повтора. Например, был какой-нибудь революционный поэт или советский писатель: писал про колхозы, написал двадцать романов, был награжден премиями. Ну и пусть себе стоит памятник там, где-нибудь под елочкой рядом со Сталиным и Лениным. Им там место, пусть себе будет.

Ш.С. – В последнее время, все чаще ведутся дискуссии о месте информационных технологий в культуре. Какую роль, по Вашему мнению, сыграют достижения IT-сферы в создании и/или преодолении зон культурного отчуждения? И возможно ли избавиться от зон культурного отчуждения с помощью, например, электронной каталогизации культурного опыта?

М.Г. – Ну я, во-первых, как уже отметил, не думаю, что отчуждение – это только плохой процесс. Для меня отчуждение очень часто необходимый процесс. Даже я бы ввел в специальные практики отчуждение. Отчуждение в этом смысле похоже, как буддистская непривязанность, обучение быть нестяжателем, да, быть не привязанным к чему-то, не участвовать в чем-то. И это на уровне вот такой дистанциальной абстракции. Поэтому я не думаю, что везде надо отчуждения избегать. Кроме того, когда в информационном поле создаются субкультурные сайты, то там обязательно возникает и отчуждение. Если, например, ты делаешь хороший сайт металлистов, трэш-металл и тому подобное, то никакой там попсы не может быть в принципе. Если допустить попсу, то металлисты никогда на твой сайт заходить не будут. Кто-то скажет, что какой-то китчевый сайт, который зарабатывает на всем, что модно, это несерьезно, это не наше. Поэтому такие вытеснения, они обязательны. Но в рамках определенных субкультур, например металлистов, тоже бывает синтез различных жанров. И этим творчески и приемлемо преодолевается вытеснение. Там, например, металл и регги, или что-нибудь похожее, что появляется на грани этого субкультурного мира. Рождение нового субкультурного пространства или символического поля иногда бывает позитивное, и тогда, конечно, уже очень важны процедуры неотчуждения. Таким образом, они позволяют этим людям не быть очень консервативными. Я хочу сказать, что в эстетическом мире, мире жанров диалектика вытеснения и синтеза чрезвычайно важно. Поэтому важно иногда преодолеть вот эту предвзятую отчужденность, основанную только на твоей ограниченности, что ты не чувствуешь в новом деле, что это плохое культурное явление, или то, что ты не в состоянии его понять. Я читаю лекции по фильмам Эйзенштейна и Лени Рифеншталь, оба они не разрешены в Литве, поскольку один из них

представляет коммунистов, а другая – фашистов. Но оба режиссера абсолютно гениальны. И у каждого есть очень специфическая философия. И мой метод – это эмпатия. Но да, нужно почувствовать их близость, их никак нельзя выкинуть. И при этом, конечно, остается вся эта противоречивость, вот эта противоречивая эмпатия или развитие эмпатии путем осознания ограничения противоречия. По-моему, это очень важно.

Ш.С. – Как повлияло на методику и направления исследований культуры интенсивное развитие социальных медиа?

М.Г. – Социальных медиа... Конечно, я бы сказал, что социальные медиа гарантируют только определенную степень, определенный уровень развития культуры. Например, если хочешь организовать какое-то мероприятие, то, в принципе, социальные медиа – они только отчасти помогают, действительно помогают собрать единомышленников или людей, которые учувствуют, или хотят участвовать в данном событии. Это, конечно, обеспечивает некоторый минимальный организационный опыт и минимальный информационный, а также минимальную эмпатию. Я говорю именно об повышении. Мы с нуля поднимаемся чуть-чуть выше, у нас появляется определенная степень культуры. Но от социальных медиа нельзя просить большего. Поэтому те люди, которые думают, что в социальных медиа они разовьют свои гениальные эстетические взгляды или предложат свои философские сочинения и будут опознаны и признаны, они ошибаются. Социальные медиа, они не в состоянии обеспечить ни большой высоты, ни глубины, на некоторый культурный уровень, конечно, поднимает и поднимает уровень социальной коммуникации, в этом, безусловно, их большая польза. Я очень критически отношусь к тем, кто полностью отрицает социальные медиа.

Ш.С. – В каком направлении, по Вашему мнению, будут развиваться философия и культурология как науки?

М.Г. – Ну, во-первых, по-моему, у философии есть очень большие шансы, когда она работает в междисциплинарном пространстве. И естественна вот такая постоянная флуктуация между разъяснением собственного текста и междисциплинарным участием в различных проектах. Это в последнее время дает философии очень много шансов, она становится нужной, и философские навыки начинают опознаваться в обществе, как полезные. Дело в том, что как только философия закрывается в себе читать собственные тексты, навыки философов не признаются обществом, то есть общество не знает, что это за навыки, какая польза от этих навыков, в чем вообще польза философов. И об-

---

щество отказывается, заменяет философскую профессию, ее заменяют социологи, психологи, антропологи, различные гуманисты, всевозможные креативные, культурные студии. Они в состоянии полностью заменить философию в нашем культурном мире, если философы не участвуют в различных проектах. Если они участвуют, то могут быть востребованы везде: при постановках спектаклей, опер, кинофильмов, работе психоаналитиков, даже в работе криминальных служб. Сфера применения философского знания огромна. Но философские факультеты очень часто углубляются только в чтение собственных текстов, появляется такой герметизм. И, как я говорил, герметизм отчасти нужен. Но если не осознаешь собственной ограниченности и не в состоянии работать с другими, объяснять что такое философия, каковы навыки, и тогда философские факультеты, кафедры и специальности постепенно закрываются.

Ш.С. - *Какие работы и каких автором по тематике конференции Вы могли бы порекомендовать?*

М.Г. - Ну вот по тематике, поскольку мы говорим об отчужденных пространствах и также о некоторых городах, о городской, урбанистской философии, то естественно в первую очередь то, что я люблю - это международные ситуационисты, это анализ и политика повседневности, это Ги Дебор и Рауль Ванейгем. Но также, безусловно, философия урбанистики - Мишель де Серто. А также, я предложил бы, конечно, Ханну Арендт, по поводу беженцев и изменения социально-политического пространства, но их можно, конечно, каким-то образом использовать и для, например, отчуждения городов.